

Светлана
АЛЕШИНА

РЕПОРТАЖ

без места
событий

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Репортаж без места событий

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Репортаж без места событий / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (Папарацци)

Ольга Бойкова держала в руках золотое кольцо работы мастера-ювелира восемнадцатого века Николая Куницына. Для нее, главного редактора газеты криминальных новостей, эта изящная дорогая вещь – не только экспонат с выставки, но и хитрая приманка для преступника, который непременно попытается ее похитить. Дальнейшее развитие событий показало, что произошло так, как запланировала Ольга, – воришка попался на приманку. И ничего, что лавры за поимку преступника достанутся майору Здоренко – ведь теперь Ольге нужно как можно скорее напечатать в своей газете сенсационный материал! Вот уж лавры лучшей в городе криминальной газеты она не уступит никому!..

© Алешина С., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Алешина

Репортаж без места событий

Глава 1

Маринка впорхнула в мой кабинет, внося поднос с чашечкой кофе и шоколадом. Этого напитка для меня никогда не бывает много, особенно если приготовлен он моей секретаршей. Маринка по совместительству является и моей самой близкой подругой, поэтому у нас не идет речь о традиционных отношениях начальника, то есть меня – главного редактора криминальной газеты «Свидетель», и подчиненного, то есть Маринки – секретаря. Если быть до конца честной, больше всего я ценила в Маринкиных рабочих качествах именно способность варить неповторимо ароматный, вкусный, незабываемый кофе.

Я отложила в сторону черновики статей, которые просматривала с большой неохотой, так как до недавнего времени была полностью загружена рутинной работой. И не только я, но и остальные сотрудники нашей редакции: Кряжковский Сергей Иванович – мой заместитель, настоящий профессионал журналистского дела; Виктор – фотограф и мой телохранитель; Ромка, который официально назначен на должность курьера. Результатом наших усилий стал очередной номер «Свидетеля», который вышел буквально два дня назад.

После продуктивной работы требуется небольшая передышка, и я как раз находилась в таком настроении. С утра не было даже традиционного совещания, которое я отменила по собственной инициативе.

– Это тебя взбодрит. – Маринка выставила прямо передо мной чашечку кофе и вазочку с шоколадом.

– Надеюсь, – неуверенно сказала я, отхлебнув немного кофе.

– Там тебя, кстати, уже ожидает один мужчина. Преуспевающий пенсионер, так сказать, судя по его внешности, – предупредила Маринка.

– А что ты его не приглашаешь? – удивилась я.

– Наслаждаюсь его присутствием. Точнее говоря, не я, а Кряжковский. Они нашли какие-то общие темы.

– Он кого спрашивал?

– Ольгу Юрьевну Бойкову! – с гордостью произнесла мою фамилию Маринка. – Да, кстати, у него в руках один из номеров нашей газеты.

– Жаловаться пришел, – сообразила я. – Как вчерашняя дама, которая пыталась доказать, что в Тарасове нет ни одного порядочного криминального издания. Она говорила, что материал об отстранении некоего руководителя государственного учреждения за некорректное отношение к подчиненным является совершенной ложью. Что-то бормотала о взяточничестве, но потом вдруг перешла на совершенно иные темы. И этот туда же?

– Нет, не похоже, – развеяла мои подозрения Маринка. – Пригласить?

Я утвердительно кивнула, встала со своего места и подошла с чашечкой кофе к окну. Маринка бесшумно вышла из кабинета. Но я недолго оставалась в одиночестве, так как уже через несколько секунд дверь после тихого непродолжительного стука открылась вновь, и на пороге возник невысокий полноватый мужчина, который тут же представился:

– Владимир Вениаминович Климачев!

Я, поставив, в свою очередь, пустую чашку на край моего рабочего стола, пригласила его присесть за чайным столиком, напротив меня. Посетитель подошел и аккуратно положил свой «дипломат» на стол перед собой. Владимир Вениаминович на первый взгляд не производил впечатление делового человека. В его внешности проскальзывала неряшливость, хотя одет он

был вполне прилично. Все благоприятное впечатление от вида вычищенных ботинок, отглаженных брюк и рубашки перечеркивалось его взъерошенными волосами, а также торчащим из бокового кармана скомканным носовым платком. Когда он положил передо мной последний номер нашей газеты, изрядно потрепанный, я опять подумала, что он пришел высказать свое мнение об одном из опубликованных материалов, как и вчерашняя посетительница.

Владимир Вениаминович был явно чем-то взволнован и даже не старался этого скрыть. Он взглянул на меня оценивающим, но не мужским взглядом, который определяет, стоит ли заводить с собеседницей интрижку, а как-то недоверчиво, видимо, сомневаясь, что он вообще обратился к нужному человеку.

– Я вас слушаю, – предложила я ему наконец начать разговор.

– Ольга Юрьевна, поводом моего прихода стала статья, опубликованная в одном из номеров вашей газеты, а также еще некоторые обстоятельства, – Владимир Вениаминович придвинул поближе ко мне лежащую на столе газету и открыл ее, ловко отыскав нужную страницу. – Собственно, меня заинтересовала эта статья. Многие издания освещали это событие, но у вас я нашел самое подробное описание, поэтому-то и решил обратиться именно к вам. Тем более что у вас указаны некоторые факты, о которых многие даже и не подозревали.

Я после неожиданной похвалы в адрес нашей редакции взглянула на указанную Владимиром Вениаминовичем страницу в потрепанной газете, хотя у меня на столе лежал тот же номер, но в лучшем состоянии. Статья была небольшой, всего на четверть газетной полосы. Я вспомнила этот материал, так как готовила его сама.

В Тарасове была организована выставка одного из коллекционеров, который владеет частным музеем в Москве, где демонстрировались уникальные вещицы из драгоценных металлов: золото, платина, серебро. Выставка занимала большое помещение нашего краеведческого музея, хотя экспонатов было не так уж и много. Но, учитывая то, что стоимость каждого предмета была огромной, были установлены специальные витрины, которые и заняли много места. Выставка пользовалась успехом у жителей нашего города, так как на ней демонстрировались украшения, предметы быта, столовые приборы, изготовленные в восемнадцатом веке в единственном экземпляре. Я даже вспомнила ее название.

– «Золотой восемнадцатый век», – произнесла я вслух.

– Да, именно так она и называлась, – поддержал меня Владимир Вениаминович. – В этом отношении восемнадцатый век действительно был золотым, так как в это время очень часто изготавливались предметы из драгоценных материалов. Предпочтение отдавалось серебру, но и золото пользовалось не меньшим спросом. Даже у нас в России каждый состоятельный дворянин стремился есть, пить только из дорогой посуды, дамы носили украшения баснословной стоимости. В большинстве случаев эти предметы не являлись уникальными с точки зрения искусства. Они ценились уже потому, что имели большой вес, – на это, в принципе, и приходило на выставку поглазеть большинство посетителей. Ну как не посмотреть, например, на отлитую из чистого золота статуэтку весом около девятисот граммов или на браслет, вес которого превышает сто граммов, или же золотой перстень в сорок граммов? Сегодняшние посетители в большинстве своем не осознают всей красоты подобных изделий, интересуясь ими только потому, что когда-то тем или иным столовым прибором пользовался какой-нибудь граф, имя которого дошло и до наших дней. Хотя некоторые экземпляры выставки, на мой взгляд, очень любопытны с иных позиций.

Монотонную речь Владимира Вениаминовича перебила Маринка. Постучавшись, она вошла в кабинет с подносом, на котором дымились две чашечки кофе. Она поставила одну на стол напротив Климачева, вторую подала мне.

– Угощайтесь, – сказала я Владимиру Вениаминовичу.

– Вы знаете, я кофе не пью, – неожиданно сказал он. – Сердце начинает уже пошаливать, все-таки мне за шестьдесят.

– Чай, – предложила Маринка.

– Вот от чашечки чая я, пожалуй, не откажусь, – принял ее предложение мой собеседник.

Маринка аккуратно поставила предназначавшуюся ему чашечку кофе на поднос и унесла, о чем я несколько пожалела, так как каждый посетитель нашей редакции всегда оставался доволен нашим кофе. Чай же у нее получался не таким ароматным. Оставалось наслаждаться изумительным запахом, исходящим от моего кофе.

Владимир Вениаминович продолжил свой рассказ, но я невнимательно слушала его, иногда заглядывая в газетную статью, находя там знакомые фразы. Пока Владимир Вениаминович продолжал поражать меня осведомленностью о выставленных экспонатах, я просмотрела до конца статью.

Сенсацией для читателя стало то, что однажды ночью была пресечена попытка кражи одного из выставленных экспонатов. Грабители смогли отключить сигнализацию в музее, получив таким образом доступ в любое его помещение. Они взломали замки на входных дверях, что не представляет большой трудности. Но не предусмотрели, что существует еще дополнительная сигнализация, так называемый второй рубеж, когда датчики реагируют на непосредственное прикосновение к отдельным экспонатам или же на нарушение целостности витрины. Как только грабители начали взламывать витрину, в которой находился интересующий их предмет – кольцо из чистого золота, – сигнализация сработала. Музейный экспонат остался недоступен, а грабителям ничего не оставалось, как поскорее выбраться из помещения.

Охрана подоспела немедленно, но грабители успели скрыться. Было ясно, что орудовали непрофессионалы, так как они оставили несколько четких отпечатков пальцев, да и о втором рубеже сигнализаций не были осведомлены. Сотрудники правоохранительных органов по горячим следам попытались отыскать грабителей, но, увы, операция им не удалась.

Владелец выставки уже к вечеру следующего дня принял решение переправить все экспонаты обратно в Москву, испугавшись, что грабители могут попробовать еще раз заполучить интересующее их кольцо. Собирая материал для статьи, я успела побеседовать с одним из работников музея, который рассказал мне подробно об этой ценности.

К колье, выполненному из чистого золота в восемнадцатом веке малоизвестным русским мастером Николаем Кунициным, первоначально прилагались еще и серьги с бриллиантами. Но серьги владелец десятки лет назад продал на аукционе за более чем приличную сумму, а кольцо тогда же передал в дар одному коллекционеру. До сих пор неизвестно, кто сейчас является владельцем серег. Коллекционер же перед смертью завещал собранные им драгоценности московскому музею, в том числе и это кольцо.

По мнению работника музея, этот экспонат ничем не отличается от прочих украшений, если не считать того, что когда-то он был в паре с серьгами. Мастер, сделавший его, не очень популярен, вес кольца не превышает и ста граммов. Чем руководствовался грабитель? Для себя я выбрала такую версию: кольцо попытался приобрести владелец серег, о чем и сообщила в статье.

Маринка, проскользнув в мой кабинет, молча поставила перед посетителем чашечку чая на блюдце и маленькую сахарницу. Владимир Вениаминович поблагодарил ее, зачерпнул ложечкой немного сахара и бесшумно размешал его в чашке.

– Собственно говоря, истинных произведений искусства на выставке было всего несколько, – продолжал он, сделав маленький глоток чая. – Я при первом посещении обращал свое внимание именно на них, так как уже долгое время занимаюсь коллекционированием подобных предметов. Моя коллекция, конечно же, не такая большая, как музейная. На кольцо при посещении я не обратил особого внимания, видел его мельком, не выделив среди прочих безделушек. На выставке были другие экспонаты, которые я отношу к настоящим произведениям искусства. Например, перстень с инкрустацией великого мастера, фамилия которого вам, наверное, ни о чем не скажет, но в наших кругах она известна.

Меня, признаться, покорили его слова, и, взглянув на снимок рядом со статьей, я сказала:

– Луиджи, восемнадцатый век, Франция.

– Да, вы правы, – согласился со мной Владимир Вениаминович, улыбнувшись, так как имя автора инкрустации я могла прочесть под снимком. – Так вот, произведения Луиджи в настоящее время очень популярны в среде коллекционеров. Может быть, потому, что до сегодняшнего дня дошло только несколько изделий, инкрустированных его рукой. А Куницин, да будет вам известно, не ставший мастером мирового уровня, был владельцем золотодобывающих шахт, и, когда после болезни, в результате которой у него отказали ноги, не смог руководить своим делом, он занялся творчеством. Некоторые его изделия были отлиты из чистого золота самой высокой пробы, но по весу не превышали стандартной нормы. Материал же для других творений мастера был не очень чистым, как правило, золото содержало различные примеси.

– Когда я задумывалась о цели грабителей, то почти сразу же отмела версию о том, что колые выкрали для переплавки, – согласилась я с Владимиром Вениаминовичем.

– У меня в коллекции до недавнего времени тоже было одно произведение Куницина, кубок из золота низкой пробы, толщина стенок которого уникальна... – продолжил собеседник.

– Почему – было? – перебила я его.

– Потому что сегодня ночью кубок выкрали, – неожиданно сообщил Владимир Вениаминович.

– Как?! – удивилась я.

– Моя частная коллекция хранится в одноэтажном доме за городом, – объяснил Владимир Вениаминович, – но очень хорошо охраняется, на мой взгляд. Во-первых, в доме есть сигнализация, которая никогда еще не давала сбоев...

– А что, раньше уже случались кражи? – снова вмешалась я.

– Нет, но если охранник, который днем дежурит в доме, случайно наследит, тут же подъезжала квалифицированная охрана, – пояснил Владимир Вениаминович.

– А почему же этой ночью не было сигнала? – удивилась я.

– Представьте себе, в доме была включена вся сигнализация, охранник находился в подсобном помещении неподалеку, – продолжал Владимир Вениаминович, – и все же грабителям удалось осуществить задуманное. Они отключили сигнализацию, залезли в дом с противоположной улице стороны, аккуратно выставили стекло в окне и пробрались внутрь. В доме всего два помещения: прихожая и непосредственно хранилище моей коллекции, так называемая «мастерская». Они попали сразу же во вторую комнату.

– И охранник за всю ночь ни разу не выходил из своего укрытия? – уточнила я.

– Именно так. Но я его не подозреваю, он работает у меня уже около пяти лет, и мы с ним знакомы практически с самой школьной скамьи. Он учился со мной в параллельном классе, вот я и решил помочь ему материально, устроив к себе на работу. Вообще-то я, как, впрочем, и он, полагаюсь больше на сигнализацию. Поэтому некоторые экспонаты я хранил на виду еще и потому, что замыслил заняться их подробным фотографированием – для составления каталога. Среди них был и кубок работы Куницина. Хотя, вы знаете, если бы грабители захотели найти его, то обыскать все помещение не составило бы никакого труда. Сейфы сейчас вскрывают практически за одну минуту.

– Но грабителям не пришлось этого делать, – уточнила я.

– Да, кубок стоял на полке, – объяснил Владимир Вениаминович. – Они взяли только его, не тронув больше ни одного экспоната. По моим предположениям, между попыткой ограбления выставки и кражей кубка из моей частной коллекции есть что-то общее – это вещи Куницина.

– Вы обратились в милицию?

– Вы знаете, кубок достался мне в подарок, но, к сожалению, документации по этому делу нет, – пояснил Владимир Вениаминович. – Если бы за дело взялись сотрудники правоохранительных органов, то обязательно возникли бы вопросы, на которые я не нашел бы ответа. Я хотел бы, чтобы этим делом занялись вы!

В принципе, уже где-то в середине разговора я поняла, что такое предложение от Владимира Вениаминовича поступит, поэтому его просьба не стала для меня неожиданно-стью. Поиск пропавшего кубка, а также параллельное расследование попытки кражи кольца с выставки московского музея показались мне интересными. Я молча обдумывала предложение, не решаясь сразу же согласиться. Но возможность добыть стоящий материал для очередной статьи «Свидетеля» грела меня.

– Я соглашусь, пожалуй, – сообщила я Владимиру Вениаминовичу свое решение. – Только будьте готовы к тому, что и вы не останетесь в стороне от расследования.

– Да, конечно, – обрадовался собеседник. – Я готов вам помочь.

Владимир Вениаминович потянулся к «дипломату» и, открыв его, достал несколько снимков. Взглянув на фотографии, он передал их мне.

– Несколько рабочих снимков из коллекции, – пояснил Владимир Вениаминович. – Здесь как раз изображен тот кубок. Видите, Ольга Юрьевна, толщина его стенок не превышает и одного миллиметра. Очень тонкая ювелирная работа гравера!

– А каковы размеры кубка? – уточнила я.

– Высота его – двадцать семь сантиметров, а диаметр основания – одиннадцать, – ответил Владимир Вениаминович. – Обратите внимание на саму роспись. Как правило, при гравировке кубков используются сюжетные или же предметные картины. Здесь же Куницын предпочел ограничиться узорами.

– Может быть, у них есть своя символика? – предположила я.

– Вы знаете, Ольга Юрьевна, я занимался расшифровкой этого рисунка, но ничего символического в гравировке не обнаружил. В том числе и культовой символики. По моим данным, Куницын не отличался большой религиозностью, хотя и был верующим человеком. По всей вероятности, эти узоры – плод его воображения, просто абстрактная композиция.

Я просматривала фотографии, где был заснят практически каждый сантиметр поверхности кубка. На одной из фотографий я обнаружила изящно выгравированные буквы «к» и «н», почти еле заметные среди витиеватых узоров.

– Вензель мастера? – уточнила я у собеседника.

– Да, конечно, – поддержал меня Владимир Вениаминович. – Эти буквы как знак автора очень часто используются, так как с этих букв начинаются многие фамилии и имена. Куницын украшал свой множеством завитков, характерных только для него.

– А как вы сами оцениваете стоимость похищенного? – спросила я, немного смутившись, так как понимала, что для коллекционера любой его экспонат является бесценным.

– Если не брать в расчет, что кубок сделан в восемнадцатом веке, то стоимость его не так велика – около трех тысяч долларов, – ответил Владимир Вениаминович. – Авторство кубка не увеличивает его стоимости. Никто из знаменитых особ, имена которых дошли до наших дней, не пользовался этим кубком, поэтому и это тоже не может стать причиной повышения его цены.

Просмотрев остальные фотографии и не найдя больше ничего заслуживающего внимания, я отдала их Владимиру Вениаминовичу, оставив себе только одну – с кубком.

– А еще какие-нибудь работы Куницына вам известны? – поинтересовалась я.

– Та-ак, – задумчиво протянул Владимир Вениаминович. – Колье... Затем кубок... Помоему, где-то у одного английского коллекционера хранится перстень самого Куницына, но точно не знаю. По крайней мере, я заметил его на одной из его выставок. Может быть, он его

сейчас и поменял на нечто более ценное... Еще есть у одного нашего соотечественника два-три браслета работы этого автора, но я не знаю, у кого... Да, еще серьги из набора с колье тоже где-то...

– Значит, ни один ваш знакомый коллекционер не имеет его произведений? – уточнила я.

– Нет, – твердо сказал Владимир Вениаминович.

– А кому, по вашему мнению, могут понадобиться работы Куницына?

– Боюсь даже предположить что-то, так как могу повести вас по неверному следу, – ответил Владимир Вениаминович. – Нет, не знаю!

В кабинете воцарилось молчание, тема разговора исчерпалась. Все, что мне было интересно, я узнала, а выслушивать еще одну лекцию по ювелирному делу у меня не было охоты. Пауза затянулась, но тишину нарушил голос Климачева.

– Я могу оставить вам номер своего телефона, если вам понадобится еще какая-нибудь информация, – предложил собеседник.

– Да, пожалуй, это пригодится, – ответила я, записывая номер телефона в свой ежедневник, куда я вложила и фотографию кубка.

Владимир Вениаминович уложил в «дипломат» фотографии и последний номер «Свидетеля», я проводила его до двери своего кабинета и, попрощавшись с ним, возвратилась на свое место.

Маринка заскочила ко мне сразу же, как только Владимир Вениаминович вышел из здания.

– Нажаловался? – полюбопытствовала подруга, усаживаясь на то место, с которого только что встал Владимир Вениаминович.

– Нет, просил помощи, – ответила я.

– В чем?

– Найти украденный кубок!

– Он – спортсмен? – удивилась Маринка, так как Владимир Вениаминович хоть и был подтянут, но его фигуру нельзя было назвать спортивной. – Чемпион России по шахматам?

– Нет, коллекционирует вещички из драгоценных металлов, – объяснила я.

– Что-то я не заметила у него перстенька на пальце, – сказала Маринка.

– Коллекционеры никогда не носят свои экспонаты на пальцах или на шее, а выставляют их на выставках, – заметила я. – И человек с высшим образованием должен бы об этом знать.

Маринка немного обиделась на меня и надула губки. Я же достала из ежедневника фотографию кубка и протянула ее подруге.

– Золотой! – протянула она. – Стоит бешеных денег, да и вещь, наверное, раритетная.

– Раритет не раритет, а стоит дорого, – заметила я.

– Сколько?

– Тысячи три долларов!

– Это недорого, – подумав, сказала Маринка. – Мне вот один кавалер говорил, что подарит колечко стоимостью около тысячи.

– Какой кавалер?

– Да так, один, – задумчиво произнесла Маринка.

– Опять любовь? – с издевкой спросила я, намекая на любвеобильность Маринки.

Маринка, впрочем, как и я, относится к клану одиноких женщин, как говорится – старая дева. Я не испытывала по этому поводу никаких комплексов, Маринка же просто мучилась от одиночества и была в перманентном поиске подходящей кандидатуры для брака. Подруга отличалась еще и тем, что периодически впадала в романтическое состояние, ежели появлялся на примете подходящий объект.

– Кто он? – переспросила я.

– Порядочный, состоятельный мужчина, – обтекаемо описала мне она своего кавалера.

– Возвратимся к теме дня, – предложила я Маринке, боясь, что сейчас она примется рассказывать очередную романтическую историю с ней, любимой, в главной роли. – Кубок хоть и не такой дорогой и ценности исторической особой не имеет, хотя сделан он в восемнадцатом веке, но кому-то очень понадобился, как и кольцо из столичного музея.

– Это как-то связано с попыткой кражи кольца с выставки столичного музея, о чем мы писали в прошлом номере «Свидетеля»?

– Да, – я утвердительно кивнула. – И мне предстоит раскрутить это дельце.

– Ольга, обед скоро, – напомнила Маринка. – Может быть, и обмозгуем все вместе с остальными сотрудниками за чайным столиком.

Маринка собрала все пустые чашки из-под кофе и чая на поднос и вышла из моего кабинета. Пока сотрудники соберутся на запоздавшее утреннее совещание, у меня оставалось несколько минут, за которые я навела порядок на своем рабочем столе, освободив его от большого количества ненужных бумаг – беспощадно выбросив их в мусорку.

Глава 2

Маринка догадалась не только сварить свежий кофе, но и разложить по вазочкам песочное печенье и шоколад. Все члены нашей редакции собрались за чайным столиком у меня в кабинете. Кряжимский уже рассматривал фотографию, которую дал мне Владимир Вениаминович, Виктор сидел молча, а Ромка положил перед собой молодежный журнал и пролистывал его.

– Ольга Юрьевна, я могу сказать с уверенностью, что попытка кражи кольца из коллекции музея и ограбление загородного дома Климачева – дело рук одного человека, – сделал вывод Кряжимский, как только я подробно рассказала ему о своей беседе с Владимиром Вениаминовичем.

– В этом и я уже не сомневаюсь, так как интерес у грабителей вызывают произведения одного мастера, да и их непрофессионализм налицо, – добавила я.

– Оль, а, по-моему, украсть вещицу из загородного дома Климачева не так уж и сложно, – заметила Маринка. – Он практически не охранялся, если не считать сигнализации.

– То, что в доме есть сигнализация, грабители могли предполагать, но если бы в доме еще находился охранник, о котором они, по-видимому, не знали, то это осложнило бы дело, – решила я.

– Вы знаете, Ольга Юрьевна, – вступил в разговор Кряжимский, – мне кажется, что Владимир Вениаминович не очень хорошо организовал охрану своего загородного дома, тем более что там содержатся предметы из драгоценных металлов.

– Хотя некоторые экспонаты заслуживают достойного места в музеях, как объяснил мне сам Владимир Вениаминович, но стоимость их не является баснословной, – пояснила я. – В доме, конечно же, были сейфы, но в эту ночь преступникам повезло, так как интересующая их вещица находилась практически на виду.

– Ольга Юрьевна, а почему вы всегда употребляете множественное число при упоминании о преступниках? – поинтересовался Сергей Иванович. – Ведь ничего, указывающего на то, что это дело рук группы людей, я не заметил. Даже сотрудники правоохранительных органов при осмотре витрины и сигнализации музея нашли отпечатки пальцев только одного человека.

– Не знаю, – немного растерялась я. – Может быть, интуиция.

– На одну интуицию полагаться нельзя, поэтому рассматривать следует все варианты, – укорил меня Сергей Иванович.

– Сергей Иванович, если удастся поймать хотя бы одного, то другого он выложит со всеми потрохами, поэтому мне лично неважно количество бандитов, будь их хоть вообще двадцать, – вставила свою реплику Маринка, после чего обсуждение предполагаемого количества участников ограбления закончилось.

– В результате получается, что некто пытается завладеть произведениями Куница не совсем законным путем, совершая несколько попыток краж, одна из которых увенчалась успехом, с целью... – Сергей Иванович замялся, так как не нашел, что сказать дальше.

– Продажи! – закончила за него Маринка.

– Кому? – удивился Сергей Иванович.

– Знакомому коллекционеру! – не задумываясь, ответила Маринка.

– А разве согласится коллекционер взять себе, например, тот же кубок, который разыскивает милиция? – заметил Кряжимский.

– Но его никто не ищет, ведь Владимир Вениаминович не обращался в милицию! – Маринка нашла ответ и на этот вопрос.

– Следовательно, грабители знали о том, что Климачев не станет обращаться к сотрудникам правоохранительных органов, – догадался Сергей Иванович.

– Но если бы им удалось украсть кольцо, то владелец кольца обязательно бы заявил о пропаже в милицию, – предположил Ромка, отодвигая в сторону журнал. – Об этом они не могли не знать.

– Предположим, что они и не хотели красть кольцо, а просто припугнули владельцев московской коллекции, чтобы они увезли выставленные материалы обратно в Москву, – размышлял вслух Кряжковский, – для того, чтобы, например... – Он опять не нашелся, что сказать, и запнулся.

Но, к сожалению, Маринка не смогла в этот раз так ловко окончить его фразу, поэтому в кабинете воцарилось молчание, и только Виктор громко крикнул, издав не совсем приличный звук.

– Нет, дело не в этом, – неожиданно резко продолжил Кряжковский. – Для того чтобы припугнуть работников музея, можно было бы, например, просто разбить стекло и влезть внутрь или же разбить одну из витрин. Но в таких случаях не отключают сигнализацию, а наоборот, стараются обратить на себя внимание. А если уж грабители и решили обезопасить себя, то второй рубеж сигнализации тоже был бы отключен. Непрофессионализм налицо!

– А также то, что они на самом деле пытались вытащить из выставочного зала кольцо! – напомнила Маринка.

– К сожалению, Сергей Иванович, нет достаточных оснований принять вашу версию, – сделала я вывод.

– Вы что, действительно думаете, что вам удастся, сидя за чашечкой кофе, распутать это дельце?! – заметил Ромка, улыбаясь.

– Хорошо, тогда пойдем другим путем, – предложил Кряжковский. – По моему мнению, заинтересоваться работами Куница мог бы какой-нибудь коллекционер подобных вещиц, который решил собрать все работы этого мастера у себя. Но хранить в своем сейфе кубок он может абсолютно безнаказанно, а вот кольцо ему пришлось бы прятать, так как его разыскивала бы милиция. Значит, он считает, что сможет хорошо спрятать кольцо или же вообще переправить его за границу, где без особого риска оно может быть использовано в качестве экспоната частной коллекции.

– А как вам упоминание о том, что кольцо когда-то было в паре с серьгами, которые в настоящий момент уже находятся за границей? – вдруг вспомнила я.

– Это только доказывает мое предположение, что в какой-нибудь Франции уже знакомы с творчеством Куница и знают его истинную цену, – объяснил Кряжковский.

– А мне кажется, что версия о том, что кольцо попытался приобрести хозяин серег, более удачна, – заметила Маринка.

– Выйти на этого человека мы не сможем, так как работники столичного музея несколько лет пытались проследить за судьбой этих украшений, но все тщетно. До настоящего момента их обладатель остается не известен никому, – сообщила я.

– Тогда начнем с тех коллекционеров, которые находятся поближе, например, с Прядилина.

– Кто это? – удивилась я.

– Он, по-моему, занимается коллекционированием женских украшений из драгоценных металлов, – пояснил Сергей Иванович. – Я с ним познакомился около пяти лет назад, когда готовил материал о найденном у одного пенсионера после его смерти перстне баснословной стоимости. Тогда Прядилин был моим консультантом и очень помог мне. Его коллекцию я сам не видел, но много слышал о ней, так как он периодически выставляет ее.

– Вы подозреваете, что этому Прядилину могут понадобиться работы Куница? – догадалась я.

– Все может быть, хотя он показался мне вполне интеллигентным и порядочным человеком, – заметил Сергей Иванович. – Но я знаю, что любой коллекционер способен дойти до

безумия, чтобы обогатить свою коллекцию, и даже совершить убийство, я не говорю уже об ограблении.

– Тогда, значит, мне следует встретиться с Прядилиным, – задумчиво сказала я, делая записи в своем ежедневнике. – Как, кстати, его зовут?

– Мне надо заглянуть в свои старые бумаги, и тогда я отвечу на ваш вопрос, – сказал Кряжимский и вышел из кабинета.

Мы спокойно пили кофе, обдумывая каждый свое. Я взглянула на Виктора, лицо которого по-прежнему оставалось невозмутимым. Он не отличался разговорчивостью, точнее говоря, предпочитал молчать в любой ситуации. Но не из-за своей скромности, а в силу врожденной способности своевременно действовать. Это отличало его от Маринки, которая могла часами рассказывать какую-нибудь ерунду.

Сергей Иванович вернулся буквально через несколько минут и положил передо мной листок бумаги, аккуратно исписанный его почерком.

– Прядилин Дмитрий Михайлович! – сообщил Кряжимский. – Коллекционер! Как я и говорил, занимается только изделиями из драгоценных металлов.

– Сергей Иванович, а еще в нашем городе есть коллекционеры, помимо Климачева и Прядилина? – поинтересовалась я у Кряжимского, переписывая себе адрес Прядилина с листочка.

– Не знаю даже... – ответил Сергей Иванович, пожимая плечами.

– Зато я знаю, где это можно узнать, – вспомнила я, взглянув на номер телефона Климачева, который был записан у меня в ежедневнике.

– Владимир Вениаминович? Это Ольга Юрьевна из «Свидетеля»! – сказала я, как только абонент взял трубку.

– Да, да! Я вас слушаю.

– Я хотела бы выяснить у вас, знаете ли вы кого-нибудь из коллекционеров нашего города?

– Конечно, – обнадежил меня собеседник. – Я совсем забыл вам об этом рассказать, извините.

– Ничего страшного, – успокоила я Владимира Вениаминовича.

– В Тарасове есть еще два коллекционера изделий из драгоценных металлов, – сказал Владимир Вениаминович. – Прядилин Дмитрий Михайлович, который интересуется украшениями из золота и серебра прошлых веков. У него очень богатая коллекция, которую он иногда даже выставляет в залах для общественного посещения.

– А другой?

– Якушев Олег Борисович, – ответил Владимир Вениаминович. – Но с его коллекцией я менее знаком, так как он переехал в наш город совсем недавно, и я еще не успел ознакомиться с его вещами. По-моему, у него тоже есть стоящие экземпляры прошлых веков.

– А работ Куница в их коллекциях нет? – поинтересовалась я, надеясь, что Климачев вспомнит что-то интересное, хотя я уже спрашивала у него насчет изделий этого мастера.

– Не знаю, Ольга Юрьевна, – честно признался он. – По крайней мере, у Прядилина ничего подобного я не видел. Хотя постойте-ка! – вдруг раздумчиво сказал Климачев. – У Якушева есть! Как же я мог об этом забыть! Диадема работы Куница! Якушев упоминал о ней в одном из интервью, когда перечислял предметы своей коллекции. Эта диадема из низкопробного золота с гравировкой и вензелем мастера содержит также несколько полудрагоценных камней и стоит не так дорого, как можно было предполагать.

– Хорошо, что вы об этом вспомнили, – немного разочарованно сказала я.

Климачеву нечего было ответить на мое замечание, поэтому мы оба замолчали.

– Да, мне еще нужно встретиться с вашим охранником и хотелось бы самой посмотреть вашу коллекцию, – вспомнила я.

– Если вам не сложно, то вы можете подъехать к моему загородному дому, – предложил Владимир Вениаминович и назвал адрес. – Тот же охранник дежурит сегодня.

– Он не уволен?

– Нет, ведь я уже говорил, что не сомневаюсь в его надежности, – повторил Владимир Вениаминович.

– Смогу быть только во второй половине дня, – пообещала я Климачеву и попрощалась.

Коллеги наблюдали за моим разговором молча, стараясь не мешать мне. Но как только я положила трубку, Маринка спросила, что же мне удалось узнать. Я все рассказала, упомянув о том, что Кряжковский не ошибся, вспомнив Прядилина.

– Та-ак, – протянула я, заглядывая в ежедневник. – Сначала к Дмитрию Михайловичу, затем к Якушеву, а потом заеду к Владимиру Вениаминовичу.

Надо же, как удачно все получилось! Назвать Якушева и Прядилина подозреваемыми я не решалась. Тем не менее мне надо было с чего-то начать расследование. Если даже оба коллекционера никак не связаны с ограблением, вполне возможно, что у них хотя бы есть работы Куницина.

Кряжковский кряхтя поднялся со своего места и подошел к моему столу, где стоял телефон. Он уже занялся поиском адреса Якушева.

И тем не менее я не верила в такую удачу. Мне удалось практически выйти на их след, и теперь нужно только осторожно выяснить... что? Их причастность к ограблениям? Конечно, действовать придется осторожно, ведь если в открытую заявить о цели моего визита, то можно спугнуть настоящего преступника. Хотя, если я представлюсь начинающим коллекционером, интересующимся работами Куницина, это не вызовет никаких подозрений. В таком случае реакция и Прядилина, и Якушева подскажет мне, на кого из них следует обратить особое внимание. Заранее выделять кого-то из них я не решилась, так как боялась составить предвзятое мнение без доказательств. Хотя тот факт, что Якушев приехал в наш город недавно, был не в его пользу. Прядилин же был довольно-таки известным коллекционером и вряд ли стал бы так рисковать. Но тем не менее я решила, что участие в расследовании и того, и другого вполне возможно.

Пока я обдумывала свои планы, коллеги постепенно покидали мой кабинет. Ромка выбежал из него первым, упомянув о том, что ему сегодня нужно забежать к одному другу, поэтому на работе его сегодня больше не будет. Виктор же молча поднялся со своего места и, не произнося ни слова, вышел из кабинета, заняв место за своим столом.

Кряжковский тоже вышел, как только сообщил мне адрес Якушева. Когда я предложила ему поехать со мной к Прядилину, так как Сергей Иванович был более-менее знаком с ним, Кряжковский отказался, сославшись на постоянную занятость. Я попросила его собрать информацию о Николае Куницине, что он мог сделать, посетив несколько библиотек или же отыскивая материал в Интернете. Кряжковский согласился и обещал, что к вечеру уже передаст мне все материалы.

Маринка же убирала со стола остатки нашей общей трапезы, собирая чашки из-под кофе на поднос.

– Оль, я с тобой! – сообщила она мне, как только освободилась. – Даже не думай отвертеться от моего предложения.

– С одним условием, – предупредила я, – ты будешь молчать во время разговора, так как совершенно не разбираешься в искусстве.

– А ты? – обиделась Маринка.

– Ладно, собирайся, – согласилась я. – Сейчас уже выезжаем.

Маринка схватила свою сумочку и выжидательно встала около двери офиса. Попрощавшись со всеми сотрудниками, мы спустились к машине, которая стояла на нашей стоянке.

Глава 3

Прядилилин жил в центре города, поэтому нам не пришлось долго петлять по окраинам Тарасова, где все номера домов вообще перепутаны. Дом, который был указан Кряжимским, представлял из себя двухэтажный особняк, построенный несколько десятков лет назад. В городе сохранилось мало таких построек, хотя большинство из них находится именно в центре. Это запущенные строения, принадлежащие городскому фонду. В них, как правило, располагаются коммунальные квартиры, но этот особняк был свежевыбелен и даже отреставрирован. Я заметила табличку сбоку:

«В этом здании с 1943 по 1945 год располагался эвакогоспиталь номер 3546».

Таких табличек по всему городу было наткнуто достаточно много, наряду с упоминаниями о том, что в некоторых из них когда-то жили личности, имена которых дошли и до наших дней благодаря их успехам в политике, искусстве, спорте и так далее.

Подъезд, рядом с которым располагалась небольшая стоянка, был единственным, поэтому мы подъехали прямо к нему.

– Вот тебе и раз! – вскрикнула Маринка, выходя из машины. – Домофон!

– Придется обнаружить свое присутствие еще до того, как с глазу на глаз встретимся с Прядилиным, – заметила я и подошла к железной двери подъезда.

На пластмассовой поверхности высвечивались два номера, что говорило о том, что в доме всего две квартиры. Прядилилин жил во второй, поэтому я уверенно нажала нижнюю кнопку.

– Кто? – послышался глухой мужской голос.

– Ольга Юрьевна Волокина, – представилась я, намеренно изменив свою фамилию. – Я хотела бы поговорить с Прядилиным Дмитрием Михайловичем.

– По какому вопросу?

– По личному делу! – ответила я, не вдаваясь в подробности о цели моего посещения.

Голос замолчал.

– Ошиблись адресом, – хохотнула Маринка.

– Заходите, – тут же отозвался голос.

Дверь автоматически открылась, и мы с Маринкой прошмыгнули внутрь. Перед нашими глазами возникла широкая лестница, по которой мы и поднялись на второй этаж. Подъезд был больше похож на часть квартиры, так как лестница была покрыта ковром, на окне теснились растения. Чистота этого помещения говорила о том, что в доме живут не бедные, а вполне обеспеченные люди, хотя об этом можно было догадаться уже в тот момент, когда мы подрулили к дому.

По такой лестнице было даже приятно идти, поэтому мы с Маринкой замедлили свой шаг. Стука каблучков не было слышно, так как они утопали в толще ковра. На втором этаже была металлическая дверь с глазком, которая по ширине превосходила даже подъездную. Как только мы подошли к порогу квартиры, она распахнулась.

– Ольга Юрьевна? – уточнил открывший нам мужчина приятной наружности, одетый в дорогой строгий костюм. На ногах его отливали черным блеском вычищенные ботинки.

– Да, – подтвердила я.

– А ваша очаровательная спутница? – поинтересовался мужчина, походя отпустив комплимент Маринке, от которого подруга немного смутилась.

Я представила и Маринку тоже, прибавив к ее звучному имени и отчеству первую пришедшую мне на ум фамилию: Пузатикова. Маринка оскорбилась таким к ней отношением и перестала улыбаться, что было к лучшему. Девушка с такой фамилией в приличном обществе должна помалкивать, а именно это и требовалось от Маринки.

Мужчина же, наоборот, улыбнулся и пропустил нас внутрь. Квартира поразила нас еще больше, чем подъезд. Дмитрий Михайлович жил не только обеспеченно, но даже шикарно. Хотя ничего лишнего в квартире не было. Паркетный пол тихо поскрипывал, когда мы проходили из комнаты в комнату. Прядилин шел впереди нас, поэтому я могла обозреть только его широкую спину. Расположились мы в просторной гостиной, где Дмитрий Михайлович предложил нам занять места в громоздких креслах. Сам он сел на диван, как только мы с Маринкой присели.

– Я вас слушаю, – пригласил он к разговору.

– Я много слышала о вашей коллекции изделий из драгоценных металлов, но сама ни разу ее не видела, – объяснила я, – хотя отчасти занимаюсь тем же.

– Вы тоже коллекционер? – оживился Прядилин и придвинулся немного поближе.

– Пока только начинающий, – умело разыграла я смущение. – Мне, конечно же, еще далеко до вашей коллекции как по количеству, так и по качеству. Да и разбираюсь я пока в предметах искусства не совсем хорошо. Мне в наследство от деда досталась пара ценных вещичек, поэтому я и решила заняться этим.

– Каких вещичек? – заинтересовался Дмитрий Михайлович.

– Несколько золотых браслетов девятнадцатого века, – соврала я. – Серебряные столовые приборы. В общем, ничего ценного с точки зрения искусства.

– В этом-то как раз вы можете ошибаться, – заметил Прядилин. – То, что не интересно искусствоведам сейчас, может быть просто необходимо им завтра. Многие вещи приобретают свою ценность по истечении десятков веков.

– Пока же моя скромная коллекция не вызывает никакого интереса, – с сожалением проговорила я.

– Вы хотели бы узнать ее истинную ценность? – догадался Дмитрий Михайлович о цели моего прихода.

– Нет, – разочаровала я его. – Я хотела бы взглянуть на вашу коллекцию, чтобы понять, по силам ли мне вообще продолжать собирать подобные вещички.

– Если у вас есть желание и огромная сумма денег, то вы достигнете многого, – объяснил собеседник. – Моя же коллекция перстней не настолько велика, как вы думаете.

– Перстней? – удивилась я.

– Да, я коллекционирую только перстни из драгоценных металлов, – сообщил Дмитрий Михайлович. – Как говорится, узкая специализация.

Я немного растерялась, так как совершенно не предполагала, что меня постигнет такое разочарование. То, что Прядилин оказался коллекционером перстней из драгоценных металлов, отводило подозрения от него. В таком случае ему не нужны были ни кубки, ни колье. Но вдруг меня тут же осенило! А если он договорился, что обменяет изделия мастера Куницына заинтересованному лицу на несколько вещичек для пополнения своей коллекции? В таком случае он мог быть очень даже заинтересован в их приобретении.

– У деда когда-то был один перстень, но он обменял его на статуэтку, изготовленную известным русским мастером Куницыным, – продолжила я, намеренно упоминая эту фамилию.

– Я даже не слышал о таком мастере, – удивился Дмитрий Михайлович. – Если можете, то расскажите подробнее.

Как мне показалось, интерес Прядилина был неподдельным, он на самом деле хотел узнать что-то новое, как любой коллекционер.

– Я сама мало знакома с этим мастером, – честно призналась я и рассказала только то, что узнала из разговора с Климачевым.

– Я бы не сказал, что Куницын – популярный мастер, – сделал вывод Дмитрий Михайлович. – Хотя постойте...

Прядилин неожиданно прервался, как будто бы вспомнил нечто интересное, затем с опаской посмотрел на меня, но вскоре успокоился и продолжил разговор.

– Если я не ошибаюсь, то в недавнем ограблении столичной выставки было замешано колье именно этого автора, – сказал он и выжидательно посмотрел на меня.

– В попытке ограбления, – поправила я его. – Колье осталось в музее: сработал второй рубеж сигнализации, и преступникам не удалось совершить задуманное.

Теперь я, в свою очередь, посмотрела с опаской на Дмитрия Михайловича, хотя понимание в том, что он является заказчиком этой кражи, начало постепенно улетучиваться. Если бы Прядилин был замешан в этом деле, то сам не стал бы упоминать о краже, тем более что он совершенно спокойно слушал меня, когда я рассказывала о Кунице, не проявляя повышенного интереса. То обстоятельство, что он коллекционировал только перстни, тоже не укладывалось в построенные мною предположения до разговора с Дмитрием Михайловичем. Ни Климачев, ни Кряжимский, который всегда очень обстоятельно подходит к любому делу, даже словом не обмолвились о том, что Прядилин имеет такую узкую направленность!

– Вы знаете, Ольга Юрьевна, я где-то около десяти лет назад занимался коллекционированием вообще женских украшений, – продолжил собеседник, как будто бы читая мои мысли. – В одну из поездок в Москву я, конечно же, побывал в художественной галерее, где постоянно демонстрируется выставка этого частного коллекционера. Колье Куница не было объектом моего пристального внимания, может быть, именно потому, что имя мастера не популярно. Видите, я даже вспомнить его сразу не смог. Но со временем, по совету одного моего товарища, я перешел на коллекционирование перстней и с творчеством Куница вообще не сталкивался.

– А можно ли взглянуть на вашу коллекцию? – попросила я, хотя, в принципе, не видела в этом никакого смысла – подозрения Прядилина в краже кубка из частной коллекции Климачева не оправдались.

– Вы будете иметь возможность познакомиться с ней буквально через месяц, – объяснил Дмитрий Михайлович. – Я уже снимаю подходящее помещение, где будет выставлено полное собрание. Сейчас же у меня некоторый беспорядок, смотреть на который мне самому-то не очень приятно.

– А где это будет, если не секрет? – поинтересовалась я.

– В выставочном центре Тарасова, – не скрывая, сказал Прядилин. – Приглашаю вас!

– Я обязательно загляну, – пообещала я и тут же попрощалась с Дмитрием Михайловичем.

Он проводил нас до двери своей квартиры, галантно распахнув перед нами двери. Выходя из подъезда, мы с Маринкой столкнулись еще с одним посетителем.

– Дмитрий Михайлович Прядилин здесь проживает? – спросил нас лысенький мужчина небольшого роста.

– Да, вторая квартира, – ответила я, а Маринка громко закрыла за собой дверь подъезда.

– Спасибо, – пробурчал он себе под нос.

Посетителю ничего не оставалось, как воспользоваться домофоном, чтобы попасть в нужную квартиру.

Мы с Маринкой уселись в машину и уже через несколько минут ехали по другому адресу, к Якушеву Олегу Борисовичу. Я не была уверена в том, что именно он является инициатором ограбления Климачева, а также заказчиком неудавшейся кражи с выставки столичного музея. Настораживало, конечно, что Якушев совсем недавно появился в нашем городе. Но не более того!

Якушев жил на окраине Тарасова, как и было указано у меня в ежедневнике, и найти его дом оказалось несложно. Единственное шестнадцатиэтажное сооружение как раз и оказалось нужным нам домом. Я подрулила к стоянке, заметив у подъезда скопление народа. Престарелые жители подъезда уже начали свое дневное дежурство.

Мы с Маринкой вышли из машины и направились к подъезду, который тоже был единственным в доме. На двери обозначился кодовый замок, что было своеобразным препятствием, которое нам с Маринкой не удалось преодолеть. Подруга наудачу нажала одновременно три цифры, но дверь не поддавалась. Зато очень живо на это отреагировали бабушки.

– Вы куда лезете? – закричала одна из них, поражая нас высокой тональностью своего голоса.

– Нам бы попасть к Якушеву Олегу Борисовичу, – объяснила я.

– Зачем? – поинтересовалась еще одна бабуля, наивно надеясь, что я вот так сейчас все ей и выложу.

– Надо, – сказала я коротко и ясно. – Код не подскажете?

– А Олега Борисовича нет дома, – получили мы отказ от еще одной бдительной соседки. – Я видела, он с утра куда-то уходил!

– Уже, может быть, пришел, – предположила одна из старушек.

Она прошла к подъезду и, закрывая спиной кодовый замок, сама нажала неведомые нам цифры. Дверь поддавалась, и мы с Маринкой вошли внутрь.

На первом этаже недавно отремонтированного подъезда было всего две квартиры, поэтому мы предположили, что Якушев проживает на одиннадцатом этаже, просчитав его номер. Я смело нажала кнопку лифта, и двери тут же распахнулись перед нами.

Выйдя из кабины на одиннадцатом этаже, мы обнаружили, что интересующий нас номер квартиры отсутствует. На этаже была одна-единственная дверь, на которой был номер «двадцать два», а двадцать первая квартира отсутствовала. Маринка опустила на этаж ниже и сообщила, что там нужной нам квартиры нет. На двенадцатом этаже было тоже самое.

– Оль, надо позвонить хоть куда-нибудь, – сказала Маринка. – Самостоятельно мы ничего не найдем.

– Остается только двадцать вторая квартира, – сообщила я.

– А, может быть, Якушев проживает в обеих и соединил обе жилплощади, – предположила Маринка.

Я ничего не ответила, а только пожала плечами. Подъезд был отремонтирован, поэтому следов от двери несуществующей квартиры мы не обнаружили. Позвонив в единственную дверь одиннадцатого этажа, мы встали перед глазком, чтобы хозяин мог нас увидеть.

– Кто там? – послышался женский голос.

– Нам Якушева Олега Борисовича, – сообщила я.

Дверь открылась сразу – женщина не стала выяснять, по какому делу мы явились. На пороге стояла высокая особа бальзаковского, как принято говорить, возраста, но вид ее был довольно ухоженный. Женщина была немного полновата, но только в тех местах, где это красило ее. Большие голубые глаза широко распахнуты, но тем не менее не выражали удивления или испуга, напротив, казались несколько игривыми, вероятно, из-за небольшого блеска. Тщательно уложенные волосы гармонично сочетались со всем внешним обликом хозяйки дома. То, что женщина является хозяйкой, я поняла сразу по длинному шелковому халату в форме кимоно.

– Олег Борисович проживает здесь, – сообщила она, когда мы уже оказались в просторной прихожей. – После ремонта многие не могут найти нашу квартиру, хотя догадаться, по моему, нетрудно – на этаже сделана перепланировка. Мы совместили обе квартиры, поэтому и оставили только одну дверь.

– А Олег Борисович дома? – поинтересовалась я, вспомнив о том, что бабки около подъезда видели его сегодня утром.

– Да, конечно, – обнадежила нас собеседница.

Когда мы разулись, женщина предложила нам тапочки, подобрав подходящие по размеру из стоящей в сторонке обуви.

– Олег! – громко крикнула она, но в квартире по-прежнему была тишина. – Проходите, – успокоила нас хозяйка и пригласила в гостиную, где мы уселись на кресла, стоящие в углу.

– Чай или кофе? – спросила она, как только мы с Маринкой уселись, и, получив ответ, ушла, оставив нас в полном одиночестве.

Я разглядывала обстановку в доме, обратив особое внимание на картины, висящие на стене. Маринка же предпочла подойти поближе и даже потрогала пальцем одну из них – масло по холсту.

– Подлинники, – неожиданно раздался мужской голос рядом, отчего Маринка даже вздрогнула.

Олег Борисович подошел бесшумно, поэтому мы его не заметили. Якушев был совершенно не похож на человека, который коллекционирует вещички из драгоценных металлов. По внешнему виду он скорее напоминал преуспевающего инженера шестидесятых годов, то есть человека, совершенно далекого от искусства. Очки в темной оправе на сморщенном лице, черные густые брови, седые отросшие волосы, тонкие, в ниточку, улыбающиеся губы и длинная морщинистая шея. Я очень внимательно рассмотрела его, обратив внимание даже на простенький костюмчик с претензией на деловой. Эстетически развитый человек, по моему мнению, должен следить за своим внешним видом, как, например, тот же Климачев, хотя и тому недоставало опрятности. Тем не менее Якушев с первого взгляда показался мне человеком неприятным, может быть, потому, что вошел он незаметно и застал Маринку врасплох, а, может, еще и потому, что в душе я, как ни уговаривала себя, принимала его если и не за грабителя, то уж заказчика кражи кубка точно.

– Якушев Олег Борисович! – представился мужчина, несмотря на то, что мы с Маринкой уже догадались, кто он.

– Ольга Юрьевна Волокина, – объявила и я свою фамилию, имя и отчество. – Может быть, мой приход несколько внезапен, но я хотела бы обратиться к вам, как дилетант к профессионалу.

– Я себя профессионалом ни в одном деле не считаю, – поскромничал Якушев.

– Я с недавнего времени занимаюсь коллекционированием предметов из драгоценных металлов, – начала я сразу свое объяснение, чтобы не затягивать нашу беседу, содержание которой я уже обкатала на Прядилине.

– Позвольте не согласиться с вами, Ольга Юрьевна, – сказал Якушев, внимательно дослушав меня до конца. – Каждая вещь имеет свою ценность, только вот величина ее зависит от многих факторов.

– Вот, например, у меня была статуэтка из золота работы малоизвестного автора, которую я впоследствии обменяла, – продолжила я разговор. – Я обменяла ее на столовый прибор, в котором равноценно содержание золота. А оказывается, работы Куницына ценятся гораздо выше!

– Кого? – переспросил Якушев, что насторожило меня.

– Куница! – четко повторила я.

– А откуда вам известна истинная ценность творений Куница? – заинтересовался Олег Борисович.

– Вы разве не слышали о попытке кражи кольца из выставочного зала московского музея? – напомнила я. – Это кольцо было изготовлено именно Куницей, и преступников интересовало только оно.

– Слышал я об этом происшествии, – подтвердил Якушев. – Вот только я не уверен в том, что кольцо интересовало преступников по той причине, что автором его является Куница.

– Почему? – вскрикнула Маринка, молчавшая до этого момента.

– Как коллекционер я интересуюсь экспонатами всех музеев, особенно известных, – объяснил Олег Борисович. – Конечно же, кольцо заинтересовало меня уже потому, что оно вместе

с некоторыми другими экспонатами было подарено частному музею одним известным коллекционером, у которого, кстати, несколько десятков лет тому назад и мой дед выкупал какие-то вещишки. Вилочиев! Может быть, вы слышали такую фамилию среди коллекционеров?

– Нет, – честно призналась я, а Маринка только отрицательно замотала головой.

– Так вот, самому Вилочиеву колье досталось в подарок от непосредственного его владельца, какого-то русского графа, фамилия которого, к сожалению, неизвестна, – продолжил Олег Борисович. – У этого графа был комплект женских украшений, состоящий из серег и колье из чистого золота работы Куницина.

В какой-то момент я догадалась, к чему ведет Якушев, вспомнив то, о чем рассказывал мне Климачев, поэтому до конца выслушала историю только из вежливости.

– Вы считаете, что колье украдено хозяином серег, чтобы восстановить комплект? – догадалась я, как только Якушев замолчал.

– Да, именно эту версию я считаю разумной, – признался собеседник.

– С другой же стороны, возможна охота именно за работами Куницина, – тут же предположил Якушев. – Значит, работы Куницина стоят гораздо больше, чем я предполагаю. Неплохо было бы иметь у себя в коллекции пару-тройку вещей этого мастера! В крайнем случае, их можно и обменять!

Мы с Маринкой сразу же переглянулись, сочтя это заявления Якушева подозрительным. Сам же Олег Борисович не придавал этой фразе никакого значения.

– А на данный момент у вас в коллекции нет работ Куницина? – поинтересовалась я, хотя не надеялась на то, что Олег Борисович честно ответит на мой вопрос.

– Нет! – солгал Якушев.

– А можно ли посмотреть вашу коллекцию? – попросила я.

– Конечно, вот только хранятся у меня все экспонаты не здесь, разумеется, – уклонился Якушев. – Если вам так интересна моя коллекция, можете подъехать на другую мою квартиру, в центре города, где она и хранится.

– А адрес можно у вас узнать?

– Ольга Юрьевна, вы его можете посмотреть во многих периодических изданиях нашего города, – ответил Якушев. – Где-то через месяц я устрою выставку моих экспонатов на своей квартире. Слишком дорога арендная плата, если бы я снимал помещение. Так что через месяц милости прошу вас в мой выставочный зал!

Я поднялась с кресла, чтобы попрощаться с Якушевым. Олег Борисович встал почти одновременно со мной.

– Ольга Юрьевна, а мне бы хотелось посмотреть на вашу коллекцию, – сказал он.

– Она настолько незначительна, где уж мне тягаться с вами... – уклончиво ответила я.

– Качество иногда бывает важнее количества, – заметил Олег Борисович.

– Я вас когда-нибудь приглашу к себе, – пообещала я.

Прощались мы здесь же, в гостиной, так как Олег Борисович позвал открывшую нам дверь женщину.

– Сонечка, проводи, пожалуйста, девушек, – предложил он хозяйке дома, когда она вошла в гостиную.

– А у меня уже почти готов кофе, – растерянно сказала та.

– Ты, как всегда, опаздываешь, – укорил ее Олег Борисович.

Он еще раз попрощался и вышел из гостиной. Женщина же проводила нас с Маринкой до порога и закрыла за нами дверь.

Усаживались мы в машину под пристальными взглядами старушек перед подъездом, количество которых не только не уменьшилось, но явно стало больше, я ощутила на себе заинтересованные взгляды, но не придавала им никакого значения.

– Этот Якушев показался мне подозрительным, – сделала вывод Маринка из нашей встречи с Олегом Борисовичем, едва мы отъехали от его дома.

– Я почти уверена, что он замешан в этом деле, – согласилась я с подругой. – На это указывает многое в его поведении. Мало того, что он знаком с творчеством Куницина, так у него еще хранится одна из его вещей, что он почему-то отрицает.

– А как умело он подкинул свою версию насчет кольца, которое пытались украсть с выставки музея, – напомнила Маринка.

– Я бы тоже придерживалась этой версии, если бы не было ограбления Климачева, – напомнила я.

– По-моему, и сотрудники правоохранительных органов придерживаются именно этой версии, – добавила Маринка.

– Откуда ты знаешь? – насторожилась я.

– Сужу по тому, как было преподнесено это событие в печати, да и у нас в «Свидетеле». Везде одна обоснованная версия.

– Кстати, по-моему, расследование поручили нашему давнему другу и сотруднику майору Здоренко, – заметила я.

– Все еще майору?... – Маринка прыснула от смеха.

– Пока еще, – поправила я ее.

Майор Здоренко был одним из влиятельных начальников городского РУБОПа, хотя влияние его распространялось только в основном на подчиненных. А вот организованная преступность Тарасова почему-то выходила из-под его контроля. Здоренко – натура педантичная и властолюбивая, хотя за несколько лет дружбы с ним нам ни разу не удавалось поругаться по-крупному. Основная тема разногласий – мое семейное положение, впрочем, как и Маринкино. Ему просто не давало покоя то обстоятельство, что две симпатичные незамужние девушки тратят драгоценные свои годы и силы на полоскание грязного белья, – по его мнению, наша работа заключается именно в этом.

Хотя именно благодаря нашей помощи в нескольких делах Здоренко удалось создать себе в РУБОПе репутацию успешного сыскаря – не раз вычисленных и пойманных бандитов я отдавала с потрохами именно Здоренко. Раскрываемость дел по городу росла, за что на него сыпались поощрения, премии, а также приближалось получение очередного звания, а Здоренко не был чужд карьеризма.

– Посмотрим, какой же версии придерживается наш будущий генерал-полковник, – пошутила я и набрала номер рабочего телефона Здоренко, как только припарковала свою «Ладу» у обочины.

– Здоренко слушает, – представился собеседник по-военному четким голосом.

– А Бойкова звонит, – передразнила я его.

– Ольга Юрьевна? Здравствуйте! – радостно закричал он в трубку, сменив свой рабочий тон на человеческий. – Чем обязан?

– Требуется ваша помощь, – сразу же предупредила я собеседника, на что тот довольно крякнул в трубку. – Насколько я помню, именно вам поручили расследование попытки кражи кольца с выставки столичного музея?

– Да, – коротко ответил Здоренко после недлинной паузы, во время которой он вспоминал, ведется ли на самом деле под его руководством такое расследование.

– Я решила написать в следующем номере как бы продолжение, – соврала я, хотя на самом деле понимала, что, если нам удастся хоть немного продвинуться в этом расследовании, материал обязательно появится в газете.

– Опять журналистское расследование? – догадался Здоренко.

– Нет! Статья под названием «По горячим следам»!

– Тогда вам лучше взяться за другой материал, например, недавнее убийство одной из девушек, так сказать, по вызову. Успех у обывателя обеспечен, – посоветовал Здоренко и с гордостью добавил: – Преступника нашли уже через несколько часов.

– Спасибо за совет, – поблагодарила я Здоренко. – Но меня интересует именно неудавшаяся попытка кражи кольца. Какую версию отрабатывает следствие?

– Тебе ли этого не знать, – укорил меня Здоренко. – То, на что ты намекнула в статье, взято за основу, то есть версия соединить комплект.

– И как? Успешно?

– Не совсем, – признался Здоренко, – но будем работать.

– Удачи вам. – Я попрощалась с собеседником и отключила телефон.

Выехав на полосу движения, я передала наш разговор Маринке.

– И, вообще, Якушев не похож на коллекционера, – сказала Маринка, когда я уже выворачивала на дорогу, которая по указателям вела к поселку, где находился дом Климачева.

– Сейчас к Владимиру Вениаминовичу? – догадалась Маринка.

Я утвердительно кивнула, и остальную часть пути мы ехали молча.

Глава 4

– Здравствуйте, здравствуйте, Ольга Юрьевна! У охранника сейчас перерыв, поэтому встречаю вас самолично, – приветствовал нас Владимир Вениаминович, как только мы вышли из машины. – Проходите, пожалуйста.

Мы прошли по ухоженному участку, на котором росли только цветы, в них утопало все одноэтажное строение. Неподалеку от дома находилось небольшое сооружение, где, как я поняла, и обитал охранник. Я изъявила желание осмотреть сначала весь дом, затем поговорить с охранником, а потом уж ознакомиться с коллекцией.

К дому примыкал асфальтированный участок – по всему периметру, где мы и прогулялись с Владимиром Вениаминовичем. Климачев указал мне на окно, в которое залезли грабители. Стекло в раму было вставлено новое, так как от старого откололся уголок, как объяснил мне Климачев. Подойдя поближе и осмотрев внимательно окно, я убедилась, что никаких следов преступники не оставили.

– Грабители, по-моему, и скрылись с этой стороны, – заметил Владимир Вениаминович и указал на невысокий забор с задней части участка.

За забором виднелся ухоженный сад плодовых деревьев.

– Кому принадлежит этот сад? – поинтересовалась я.

– Как говорится, третьим лицам, – уклончиво ответил Владимир Вениаминович. – Садом владеет частное хозяйство, которое успешно занимается продажей плодов.

– Большое хозяйство, – заметила я.

– Сад продолжается почти до следующей дороги и ничем не огорожен, – уточнил Владимир Вениаминович. – Так что отсюда грабители могли спокойно уйти – охрана появляется здесь только в сезон вызревания плодов.

Мы возвратились к Маринке, которая сиротливо стояла у входа в особняк. После осмотра напрашивался один вывод: залезть на участок Климачева не представляло большой сложности.

– С охранником вы можете поговорить у меня в доме, – предложил Владимир Вениаминович. – Я приглашу его сейчас.

Войдя в дом, мы с Маринкой оказались в уютной прихожей, которая по совместительству являлась и гостиной. Удобные кресла, небольшой столик. Владимир Вениаминович усадил нас в эти кресла, а сам вышел, чтобы позвать охранника. Прихожая-гостиная была очень уютной и чистой, хотя хозяин дома, как, впрочем, и мы с Маринкой, не снимал обуви.

Ждать нам пришлось не очень долго. Уже через несколько минут с улицы раздался голос Владимира Вениаминовича, который объяснял охраннику, с кем предстоит ему сейчас побеседовать. Невысокий мужчина с небольшой лысиной на макушке, одетый в обычную полевую форму, вошел в прихожую.

– Васинов Василий Федорович, – представил своего охранника Климачев.

Василий Федорович, как вскоре выяснилось, оказался не очень разговорчивым, и мне приходилось вытягивать из него буквально каждую фразу. Владимир Вениаминович при нашей беседе не присутствовал. Он тактично попросил разрешения уйти в свой рабочий кабинет.

Из разговора с охранником я ничего нового не узнала, так как все подробно рассказывал уже сам Климачев, а Васинов только подтвердил его слова. Хотя в начале разговора у меня и возникла мысль о том, что охранник может быть замешан в ограблении, но потом подозрения исчезли. Василий Федорович, подполковник в отставке, всю жизнь проработал в пожарной охране, затем ушел на заслуженный отдых. А так как пенсия не устроила ни его, ни супругу, он пошел подрабатывать к старому знакомому и практически переселился в маленькую сторожку рядом с домом Климачева.

Ничего в ту ночь он не слышал и не видел, потому что полагался на сигнализацию и спокойно спал. Как обычно, через каждые два часа осматривал особняк. Выходя из своей каморки в один из таких обходов, он заметил, что стекло заднего окна снято, и тут же вызвал по рации квалифицированную охрану, а также и Владимира Вениаминовича. Но уже было поздно, поэтому преступникам удалось скрыться. Подоспевших охранников пришлось отпустить.

Сам Василий Федорович в искусстве не разбирался, ценность украденного представлял только приблизительно. Владимир Вениаминович не объяснял ему точно, что в его коллекции украдено: когда я поинтересовалась об этом у охранника, Васинов ответил коротко: «Кубок», оценив его гораздо дешевле, чем сам Климачев.

Когда охранник убедился, что больше ничего дополнить не может, он встал и попросил разрешения выйти, чтобы продолжить отдых перед ночным дежурством. Настоящий вояка, привыкший к точному выполнению приказов, он подходил к любому делу честно, но без эмоций. Владимир Вениаминович не наказал его рублем, не уменьшил жалования, поэтому ограбление лично не задело Васинова. Василий Федорович вышел из прихожей, где происходил разговор, и ушел в свой домик, как я проследила через окно.

А Владимир Вениаминович тут же пригласил нас в свой рабочий кабинет, как он называл помещение, где хранилась коллекция. Тут было гораздо просторней, но царил творческий беспорядок. На широком столе в углу, окруженном громоздкими шкафами, лежали кипы бумаг, свертки, фотографии, журналы.

– Это моя мастерская, – с гордостью произнес Владимир Вениаминович, пропуская нас вперед. – Я уже убрал все экспонаты в сейфы, а то еще что недоброе произойдет.

Сейфы выстроились вдоль одной стены, занимая практически все пространство от потолка до пола. Некоторые открывались при помощи ключа, на других замки были закодированы. Если бы грабителям буквально не подкинули нужную вещичку, им пришлось бы долго искать сейф, подбирая код и ключи почти ко всем. Так что тут им повезло больше, чем со вторым рубежом сигнализации на выставке музея.

– А вы сами не путаетесь среди всех этих сейфов? – удивилась Маринка.

– Нет – я помню каждое кольцо, каждую серьгу из своей коллекции и безошибочно их нахожу.

– А где хранятся ключи от сейфов? – поинтересовалась я, ведь разгуливать с увесистой связкой ключей нелепо и неудобно.

– В одном из сейфов, – откровенно признался Владимир Вениаминович. – Я сначала открываю его, а затем уже другие. Там же лежат и шифры на тот случай, если я что-то запятовал.

Мы с Маринкой осматривали содержимое шкафов, в которых лежали какие-то экспонаты.

– Вы же сказали, что все убрали? – Я указала на статуэтку на верхней полке.

– Это не оригинал, всего лишь точная копия, которая не имеет никакой ценности, – пояснил Владимир Вениаминович. – У многих экспонатов есть такие копии, чтобы в некоторых случаях подменять ими оригинал.

– И кубок Куница тоже? – обрадовалась я.

– Многие, но не все, – уточнил Владимир Вениаминович. – Копии я сделал на самые ценные экспонаты, а кубок я к творениям такого рода не относил.

Мой взгляд блуждал по кабинету, не останавливаясь надолго ни на одной вещи. Стопки журналов в шкафу, бесчисленное количество коробок, кучками лежащие фотографии... ничего интересного.

– А где стоял кубок? – спросила я.

– Вот на этой полке, – Владимир Вениаминович указал на среднюю полку шкафа за стеклом, заваленную какими-то свертками. – Я уже начал заниматься обновлением каталога, а старые бумаги жаль выбрасывать, вот я их и сворачиваю пока на время.

– А на кубок у вас уже подготовлены все материалы? – поинтересовалась я.

– Как раз хотел сегодня этим заняться, – ответил Владимир Вениаминович, тяжело вздохнув. – Вы можете просмотреть другие экспонаты. С чего начнем?

Владимир Вениаминович подошел к сейфам и приготовился уже поразить нас содержанием этих шкафчиков. Я немного растерялась, не зная, что может быть мне интересно. Маринка же, отличавшаяся любопытством, изъявила желание просмотреть всю его коллекцию.

– Ну, если только вы не ограничены во времени... – начал он и придвинул лестницу к верхнему сейфу.

– Как раз во времени мы и ограничены, – поправила я Маринку.

– Тогда продемонстрирую вам только последние приобретения, – решил Владимир Вениаминович и переставил небольшую лестницу на другое место.

Мы с Маринкой расположились на мягких стульях у стола. Климачев доставал металлические коробки, вскрывал их, а затем аккуратно вытаскивал экспонат на подставке, стараясь не касаться его руками. Демонстрация каждого предмета сопровождалась подробным рассказом, из которого мы узнавали и то, сколько он приблизительно стоит, и как приобрел его Климачев, и многое другое. В какой-то момент демонстрации меня осенило: а ведь грабители, которые залезли в дом Климачева, точно знали, что кубок находится здесь. А как они могли об этом узнать? Может быть, сам Климачев проговорился кому-нибудь?

– Владимир Вениаминович, извините, – перебила я его, – а как грабители могли узнать, что в вашей коллекции имеется этот кубок?

– Честно говоря, я сам задумывался над этим вопросом, – ответил он, неловко закрывая очередную коробку. – Где-то полгода назад я организовывал выставку, где было большинство моих экспонатов, но кубок не демонстрировался. Хотя для некоторых лиц, которые интересовались моей коллекцией, я еще именно в этом помещении оборудовал небольшой выставочный зал, куда приглашал настоящих ценителей искусства. Кубок находился в витрине именно здесь, как и еще несколько предметов. Конечно же, их может видеть более узкий круг людей, но все же и тут было довольно много посетителей. В основном такие же коллекционеры, с некоторыми из которых я совершил весьма выгодный для меня обмен.

– А вход на эту выставку был по приглашениям? – уточнила я, так как в этом случае, по всей вероятности, сохранился список приглашенных.

– Нет, но это были достаточно хорошо знакомые мне люди из многих городов России, – ответил Владимир Вениаминович. – Хотя посещали мой загородный дом и несколько иностранцев. Но никто, как я заметил, особого внимания на работу Куницина не обратил.

– А кому-либо в последнее время вы рассказывали о том, что у вас в коллекции есть кубок работы Куницина? – спросила я.

– Нет, – уверенно ответил Климачев, немного перед этим подумав.

Владимир Вениаминович продолжил демонстрацию к радости Маринки, которая обожала драгоценности, а раритетные вещи вообще приводили ее в полный восторг. В ее лице Владимир Вениаминович нашел благодарного зрителя и слушателя, так как Маринка жадно внимала каждому его слову.

Я же мельком просматривала экспонаты, поражаясь их красотой. Мысли мои были уже где-то далеко. Значит, любой посетитель, увидевший кубок на выставке, попадает под подопечение. Ведь именно тогда похититель задумал заполучить его любым путем. Но почему заинтересованное лицо не попыталось просто выкупить кубок или же обменять, тем более что Климачев не очень-то трепетно относился именно к этому предмету? Значит, еще полгода назад работы Куницина не пользовались большой популярностью у коллекционеров. Идея заполу-

чить кубок появилась совсем недавно. Это еще один вывод. Хотя, по словам Климачева, ценность кубка за это короткое время не увеличилась. Или же Владимир Вениаминович немного отстал от моды?

Итак, незнакомый мне пока человек, вполне вероятно, что это был Якушев, посещает выставку Климачева, где просто рассматривает все экспонаты. Затем он узнает истинную ценность работ Куницина, например, то, что в ближайшем времени появится спрос на творения этого автора, вспоминает, что в коллекции Климачева есть подобная вещь, и решает приобрести ее. Но почему бы, опять же, просто не выкупить или же обменять ее?

В своих размышлениях я зашла в тупик, и, видимо, Климачев это заметил по отсутствующему выражению моего лица.

– Что с вами, Ольга Юрьевна? – вежливо поинтересовался он, открывая очередной сейф.

– А в последнее время никто не пытался выкупить у вас кубок или же обменять его? – спросила я, в свою очередь.

– Вы знаете, я уже давно ничего не обменивал и тем более не продавал, – объяснил Владимир Вениаминович. – Хотя где-то около месяца назад я встречался с одним человеком в Москве, но постоянно проживает он, по-моему, в Германии. Он предложил мне несколько вещей из своего собрания известного французского мастера, которые меня заинтересовали. Взамен я пообещал ему представить что-нибудь из работ наших русских мастеров, но потом решил пока не приобретать предложенные им вещи, так как мое финансовое положение немного пошатнулось, вот я и отказал ему. Сказал, что вообще не собираюсь что-либо продавать или обменивать, а предпочитаю сохранить свою коллекцию.

– Больше вы с ним не встречались?

– Нет, последний раз я разговаривал с ним по телефону и отказался от его предложения.

– А номер телефона у вас не сохранился? – спросила я с надеждой.

– Я даже фамилии его не помню, так как у него не очень большая коллекция, – ответил Владимир Вениаминович. – А номера телефона – тем более.

Владимир Вениаминович, заметив, что я практически не обращаю внимания на его коллекцию, а задаю вопросы, передумал показывать остальные экспонаты. Он закрыл очередной сейф, отставил лестницу в сторону и подошел поближе к нам.

– Это все? – удивилась Маринка.

– Нет, где-то четверть коллекции, – ответил Владимир Вениаминович, немного оскорбившись замечанием Маринки и моим невниманием.

– Можно предположить, что именно этот человек был очень заинтересован в приобретении работ Куницина, – заметила я.

– Не могу сказать с уверенностью, но вполне вероятно, – поддержал меня Владимир Вениаминович. – Только вот жаль, что я ничего не могу вам сообщить о нем. Познакомились мы на выставке и лишь два раза беседовали.

– Он разговаривает по-русски, хотя и живет в Германии? – уточнила я.

– Да! – ответил Климачев. – Русский немец, каких очень много.

– А узнать сейчас его фамилию нельзя? – спросила я задумчиво.

– Как? – заинтересовалась Маринка.

– Это невозможно, Ольга Юрьевна, – огорчил меня Климачев. – В Германии очень много коллекционеров, а нужный нам человек, по-моему, имеет всего лишь несколько вещичек, возможно, даже не разглашая этого.

– Напали на след? – предположила Маринка.

– И тут же его потеряли, – добавила я.

– Да, кстати, а как ваш разговор с Прядилиным? – неожиданно спросил Климачев. – И к Якушеву вы, по-моему, хотели зайти?

– Прядилин занимается коллекционированием перстней, так что он вообще отпадает, – сообщила я. – А вот Якушев даже не признался, что у него в коллекции есть работа Куница. Он солгал мне! И тоже может быть на подозрении.

– Так я и знал, – почему-то обрадовался Владимир Вениаминович. – Якушев вообще какой-то нелюдимый, он мне не понравился сразу, как только приехал в наш город.

Я молчала, стараясь не выказывать своего отношения к Олегу Борисовичу.

Больше находиться в доме Климачева не было никакого смысла. Мы попрощались с Владимиром Вениаминовичем, который проводил нас до дверей особняка и даже прошел с нами до калитки. Пообещав позвонить, если что-то выяснится, мы уселись в машину и отправились обратно в Тарасов.

Глава 5

Кряжимский слушал меня не перебивая, когда я рассказывала ему все, что удалось узнать за сегодняшний день. Маринка только иногда поддакивала. Виктор тоже сидел молча, закинув ногу на ногу. Ромка пошел покупать рекламные издания, где можно было бы найти адрес предстоящей демонстрации коллекции Якушева.

Все члены редакции собрались в моем кабинете вроде бы для вечернего чаепития. На самом же деле я хотела посоветоваться с сотрудниками насчет своих предположений.

– А я, Ольга Юрьевна, выполнил ваше задание, – отчитался Кряжимский после того, как я закончила.

– Какое? – удивленно спросила я, признавая тем, что совершенно забыла о своем поручении.

– Собрать все материалы о русском мастере Кунице, – напомнил Сергей Иванович и протянул мне прозрачную папку. – Вот вам все копии статей, книжных сведений, снимки его произведений. В общем, все, что мне удалось узнать.

Я приняла бумаги из рук Сергея Ивановича и раскрыла папку, разложив на столе все собранные Кряжимским материалы.

– Надо сказать, что мастер этот не очень известен, поэтому информацию о нем я собрал с большим трудом, – заметил Сергей Иванович, намекая на то, что ему пришлось постараться. – В принципе, Климачев вам основную информацию о Николае Кунице уже выдал. Вспомните разговор с ним.

– А что нового? – поинтересовалась я, просмотрев бумаги, большинство из которых составляли ксерокопии страниц пособий по искусствоведению, из которых Кряжимский черпал материал. В большинстве статей содержалось одно и то же, поэтому я их бегло просмотрела.

– Около года назад в Лондоне, как мне стало известно из материалов одного периодического издания по искусству, состоялась выставка работ российских граверов, – сообщил Кряжимский. – Так вот, среди прочих экспонатов там были представлены и работы Куница. Его фамилия значится в одном ряду с признанными мастерами, хотя никаких подробностей о мастере не сообщается.

Кряжимский указал мне на распечатку этой статьи. Действительно, упоминание о работах Николая Куница промелькнуло только вскользь.

– А не те ли злополучные серьги там выставлялись? – спросила я у Кряжимского.

– К сожалению, нет, – разочаровал меня Сергей Иванович. – Там был перстень из чистого золота. На перстне выгравирован вензель автора – он здесь даже заснят.

Сергей Иванович протянул мне еще одну ксерокопию, с изображением перстня. Я увидела то же сочетание двух букв, украшенное завитками.

– Короче говоря, Ольга Юрьевна, – подвел итог Кряжимский, – никакой информации, которая могла бы нам помочь. Николай Куницин на самом деле не очень популярен в среде коллекционеров. Его работы если и выставляются, то не как основные, на которые обращают внимание посетители.

– Зато мы с Маринкой практически напали на след грабителя, – радостно сообщила я, откладывая в сторону все просмотренные мною материалы.

– И кто такой? – удивился Сергей Иванович.

– Якушев Олег Борисович!

– Вы уверены, что это именно он? – с сомнением протянул Кряжимский.

– Полностью! Именно у него есть еще одна работа Куница, но нам он ничего не сказал, – у него есть диадема этого мастера. Есть и другие косвенные улики. – Он пытался напри-

вить нас по ложному следу, – заметила Маринка, надув губки. – Наводил на версию, что кольцо из музея пытался приобрести владелец серег из комплекта.

– А кто вам сказал, Мариночка, что эта версия ложная? – поинтересовался Сергей Иванович.

Маринка замялась и ничего не ответила. Я тоже молчала.

– Я так думаю, что эту версию мы не отрабатываем, поскольку не имеем возможности рыскать по всему миру в поисках владельца серег, – уточнил Кряжимский. – Может быть, Якушев и прав. А о наличии диадемы в его коллекции не рассказал из-за простой осторожности.

– А пока мы будем делать то, что в наших силах, – подвела я итог. – Обвинять человека в совершении преступления, не имея на это оснований, нехорошо, поэтому нам предстоит найти вещественные доказательства причастности Якушева к этому делу!

– Как? – решила поставить меня в тупик Маринка.

– Сначала просмотрим его коллекцию до того, как он решит нам ее показать.

– Обыск! – догадалась подруга.

– Называй это как хочешь, – равнодушно сказала я. – Место, где хранится коллекция Якушева, мы узнаем уже через несколько минут, как только вернется Ромка. Отключить сигнализацию, которой на самом деле там может и не быть, и пробраться в дом сможет Виктор.

Услышав свое имя, наш фотограф и телохранитель переменял позу и потер руки, давая этим понять, что ему не терпится приступить к выполнению задания. Виктор был профессионалом по части вскрывания сейфов, взламывания дверей, отключения сигнализации и прочего. Все-таки годы, проведенные в «горячей точке», дают о себе знать. К тому же Виктор был профессиональным фотографом и мог в нужный момент сделать качественные снимки.

– Ольга Юрьевна, а может быть, пойти другим путем? – вежливо спросил Кряжимский, который вообще никогда не приветствовал противозаконные действия, мало ли какие могут быть последствия...

– Каким?

– Не знаю, – честно признался Сергей Иванович. – Но врываться в чужой дом, тем более где хранится коллекция изделий из драгоценных металлов, по крайней мере неприлично.

– А грабить такого же коллекционера? – возбужденно проговорила Маринка. – Это как? Нормально, да?!

Я не старалась опровергнуть Кряжимского, поэтому молчала. Сергей Иванович же, в конце концов понимая, что другого выхода у нас нет, согласился с моим планом, предупредив о возможных неожиданностях.

В этот момент вернулся Ромка, у которого каждый взял по одному изданию, и мы принялись изучать рекламные проспекты. Повезло Маринке, которая, торжествуя вскрикнув, сообщила нам адрес квартиры Якушева и показала небольшой проспект в газете. Я переписала адрес в ежедневник и выжидательно посмотрела на своих сотрудников.

На обыск решено было ехать мне и Виктору. Несмотря на то, что Маринке хотелось посмотреть безделушки, я отказала ей, так как Маринкино участие в этом деле могло только помешать. Хотя Маринка и смелая девушка, но все-таки иногда она делала непростительные глупости. А рисковать мы не могли.

– Не вздумайте сунуться туда на своей машине, «Лада» может легко засветиться, найдутся свидетели и прочее, – остерег Кряжимский. – И возьмите фонарик.

Я выслушала Сергея Ивановича спокойно, только кивнула в ответ. Хотя и сама все это учла.

Так! Половина восьмого, а на улице еще светло. Ехать надо часиков в двенадцать, то есть ровно в полночь! Я договорилась с Виктором, что подъеду к его дому к этому времени, а пока... Я лично решила еще раз прочитать собранные Кряжимским материалы. Остальные сотрудники расходились по домам, не забывая перед уходом заглянуть в мой кабинет и попрощаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.